

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический
институт
Международного права
кафедра

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
Т.Ю. Сидорова
подпись инициалы, фамилия
«21» мая 2016 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения
профиль подготовки 41.03.05.00.01 Международные отношения и внешняя
политика
код – наименование направления

Современные стратегии обеспечения международной безопасности
тема

Руководитель	<u>31.05.16</u> подпись, дата	<u>доцент, канд. юр. наук</u> должность, ученая степень	<u>Т.Ю. Сидорова</u> инициалы, фамилия
Выпускник	<u>Ботв, 25.05.16</u> подпись, дата		<u>П.Е., Ботвина</u> инициалы, фамилия
Нормоконтролер	<u>31.05.16</u> подпись, дата		<u>Т.Ю. Сидорова</u> инициалы, фамилия

Красноярск 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
1 Традиционные парадигмы безопасности.....	6
1.1 Традиционные концепции безопасности и их отличительные черты....	6
1.2 Критика классических парадигм безопасности.....	22
2 Современные концепции безопасности.....	30
2.1 Характеристика новых парадигм безопасности.....	30
2.2 Оценка эффективности современных концепций безопасности.....	42
Заключение.....	48
Список использованных источников.....	50

Введение

Общеизвестно, что любая система состоит из элементов, которые взаимодействуют между собой. Для нормального функционирования системы все без исключения элементы должны оставаться целостными, а связи между ними – стабильными.

Международные отношения также являются системой, элементы в которой – акторы международных отношений, включая государства. Для поддержания баланса в данной системе работают те же правила, что и для обычных систем. Однако из-за комплексности международной арены урегулирование отношений между элементами осложнено, и поэтому оно требует применения соответствующих концепций. Такие теории, призванные поддерживать баланс на международной арене, носят название парадигм безопасности.

В XXI веке актуальность проблемы обеспечения безопасности возрастает с каждым днем. Международные отношения все больше поддаются влиянию глобализации, ускоряющей все процессы, включая распространение терроризма и других глобальных проблем. В связи с этими тенденциями исследователи все чаще обращаются к вопросу о подходящей для текущего состояния международной арены концепции обеспечения безопасности, чем объясняется актуальность данного исследования.

Одной из причин напряженности в современных международных отношениях считают отголоски «Холодной» войны. Некоторые ученые, впрочем, утверждают, что она еще не завершилась. Как бы то ни было, влияние наиболее длительного столкновения государств в XX веке на международные отношения в XXI веке неоспоримо. Для решения проблем в сфере безопасности в ходе «Холодной» войны использовались традиционные концепции безопасности. Некоторые традиционные методы применимы и сейчас, в основном в отношении вызовов, носящих традиционный характер, то есть против открытых угроз силой,

военной интервенции и вооруженного нападения, посягательств на территорию и нарушения границ.

Однако в современном мире далеко не все угрозы подпадают под данную характеристику. Такие вызовы, как гибридные войны, информационные атаки и крупные террористические сети не могут быть отражены с помощью традиционных методов обеспечения безопасности. В связи с возникновением таких угроз и обширными изменениями международной арены были выработаны современные парадигмы обеспечения международной безопасности. Рассмотрение современных концепций невозможно без учета традиционных парадигм безопасности, только их совместный анализ отражает в полном объеме весь потенциал защиты международного сообщества от дестабилизирующих факторов.

Целью данного исследования является обоснование эффективности существующих концепций безопасности в условиях современных международных отношений. Для этого необходимо решить следующие задачи: проанализировать теоретические положения современных и классических концепций, а также их критику; выявить эффективность данных концепций в отношении существующих угроз безопасности.

Основными методами исследования являются анализ текстов работ создателей парадигм безопасности и их критиков, исторических событий и угроз безопасности, с которыми концепции были призваны бороться, а также оценка их эффективности в выполнении своих задач. Анализ большого количества работ необходим при исследовании настолько комплексного объекта, как теории международной безопасности, а различие в периодах создания анализируемых текстов позволяет проследить изменения в теориях и взглядах, а также оценить эффект, оказываемый парадигмами на угрозы безопасности, наиболее объективно.

Первые шаги в сфере исследования проблемы международной безопасности были сделаны такими учеными, как Фукидид, Н. Макиавелли, Т. Гоббс. Ими впервые были предложены меры предотвращения угроз

международной безопасности. Развитие данного направления было продолжено деятелями эпохи Просвещения, переосмыслившими работы предшественников с точки зрения гуманизма.

Впоследствии более комплексное исследование проблемы международной безопасности было осуществлено учеными XX-XXI веков – Г. Моргентау, Н. Спайкменом, Дж. Наем, Р. Коэном – данная сфера привлекла интерес исследователей после двух мировых войн. На этом этапе было выработано устоявшееся определение международной безопасности и впервые предложены типологии концепций и моделей безопасности, кроме того, началось активное претворение положений парадигм в жизнь.

Развязывание «Холодной» войны еще больше усугубило проблему безопасности и поспособствовало развитию изучения данной сферы. Это стимулировало развитие научной проблематики международной безопасности и в СССР, где был заложен фундамент современных российских исследований в данной сфере. Среди исследователей проблемы безопасности в России – А.А. Сергунин и Л.В. Дериглазова. В настоящее время развитие идеи обеспечения безопасности путем создания новых и трансформации уже существующих концепций безопасности активно продвигается на государственном и международном уровне.

1 Традиционные парадигмы безопасности

1.1 Традиционные концепции безопасности и их отличительные черты

Международные отношения представляют собой сложную систему, состоящую из большого количества элементов и связей между ними. При этом в международных отношениях связи между элементами играют особо важную роль в нормальном функционировании всей системы целиком. Поэтому акторы международных отношений заинтересованы в поддержании этих связей в стабильном состоянии.

Как раз этим целям служат концепции международной безопасности. Это понятие определяют как систему принципов и установок, служащих основой для гарантий мирного безопасного сосуществования на международной арене. Их основная задача – нивелирование вызовов безопасности и гарантия баланса системы во всех сферах жизни общества. Данное состояние достигается различными методами, в зависимости от парадигмы.

Будучи комплексным и всеобъемлющим, понятие международной безопасности является объектом изучения множества научных дисциплин, включая политологию, теорию международных отношений, военную теорию, а также антропологию. Все эти науки изучают международную безопасность с разных точек зрения, что позволяет, ознакомившись с трудами представителей всех этих дисциплин, провести наиболее полный анализ теорий международной безопасности. Кроме того, в зависимости от дисциплины, меняется и подход к понятию «международная безопасность».

Наиболее общим и всеобъемлющим является определение, закрепленное в первой статье Устава ООН: «поддержание международного мира и безопасности, и принятие с этой целью эффективных коллективных мер для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и улаживание или разрешение международных споров или ситуаций,

которые могут привести к нарушению мира, мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права» [13, с. 4].

В середине XX века американские ученые создали дефиницию международной безопасности, используемую в военной теории. Этот термин стал общим названием для военно-гражданских исследований технологий и стратегий ведения войны. В условиях «Холодной» войны данное определение получило широкое распространение в работах Ч. Майера [38, с. 38].

С усложнением и развитием международных отношений термин «международная безопасность» становился все более комплексным, включая новые сферы жизни и приобретая новые черты. Так, усилившаяся связь национального и международного аспекта привела к появлению нового определения, закрепленного «Законом о национальной безопасности США» 1947 г., где под безопасностью понимается «деятельность по мобилизации военного, экономического, идеологического и других ресурсов государства и общества в условиях военно-политического противостояния» [6, с. 1]. Именно этот документ санкционировал создание Совета национальной безопасности, министерства обороны, а также ЦРУ. В данном определении практически отсутствует международный компонент, оно привязано в первую очередь к обеспечению национальной безопасности, однако зачастую употребляется американскими исследователями для обозначения именно международной безопасности.

Определение безопасности, используемое в российской научной сфере, представляет собой результат эволюции советской науки о безопасности. В Советском Союзе термин «международная безопасность» не использовался до интенсификации контактов с западными исследователями, которые усилились в период участия СССР в подготовке Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1970 годы [1, с. 240]. Однако наиболее широкое распространение в науке этот термин получил после перестройки и распада Союза.

В настоящее время используется определение национальной безопасности, закрепленное в стратегиях национальной безопасности Российской Федерации: «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства» [10, с. 2].

В современном мире сфера безопасности, как международной, так и национальной, стала одной из главных областей деятельности государств, что стимулировало развитие научных исследований. Поэтому изучение проблем безопасности включается в программы образовательных учреждений, проблематику научных публикаций и становится предметом обсуждений негосударственных организаций и иных институтов гражданского общества. Дискуссия часто касается и методов, используемых для обеспечения безопасности.

Разница в методах и принципах, содержащихся в парадигмах, связана с тем, что концепции безопасности вплотную привязаны к состоянию международных отношений в определенный момент времени и призваны противостоять различным обстоятельствам. Вместе с изменением обстоятельств меняется и парадигма. В зависимости от временного промежутка и существующих вызовов международной безопасности выделяют несколько видов концепций.

Наиболее распространенная классификация связана с временными периодами, к которым принадлежат парадигмы. В соответствии с данным признаком различают традиционные и современные концепции безопасности. Исследователи выделяют несколько вариантов исторической дифференциации парадигм.

Одна из теорий называет переломным моментом завершение Первой Мировой войны и создание Лиги Наций – первой всемирной организации безопасности, связывая возникновение современных парадигм с увеличением масштабов угроз.

Иные ученые связывают возникновение современных парадигм с окончанием Второй мировой войны и основанием ООН, аргументируя выбор этого периода тем, что Организация Объединенных Наций действует по сей день, тогда как Лига Наций прекратила существование в 1946 году [13, с. 1]. Кроме того, согласно этой концепции, только после создания ООН система международной безопасности стала по-настоящему глобальной.

Ряд исследователей выделяют связь между отсутствием реальных угроз военной безопасности и переходом на уровень современных парадигм, и поэтому в их глазах ступенькой послужило завершение «Холодной» войны между США и СССР в конце XX века, которое подвело черту под непосредственной угрозой новой мировой войны.

Следующим критерием типологии концепций являются сферы жизни общества. В соответствии с ним выделяют парадигмы экономической, экологической, военной, политической и иных видов безопасности. Эти концепции отличаются узкой спецификой и призваны решать проблемы лишь в одной области или же в паре смежных. Наиболее часто сочетаются в одной концепции военная и политическая сферы.

С появлением новых угроз сфера международной безопасности включает все большее количество областей, таких, как информационные технологии (кибербезопасность) и финансовая безопасность. С развитием гуманитарного права большее значение стало придаваться безопасности отдельно взятого человека и гражданина, в связи с чем получила развитие концепция индивидуальной безопасности.

Кроме того, большое значение имеет принадлежность автора концепции к той или иной политологической школе, поскольку она автоматически приписывается этой же теории. В зависимости от принадлежности к школе различают реалистические, либеральные, марксистские, конструктивистские, постмодернистские и некоторые иные концепции международной безопасности.

С вступлением человечества в новый миллениум, развитием информационных технологий, появлением Интернета в жизни людей и

развертыванием процесса глобализации возникли также новые уровни безопасности, которые послужили причиной создания новых парадигм. Классификация этих концепций соответствует разным уровням, в соответствии с которыми выделяются парадигмы индивидуальной, национальной, региональной и глобальной безопасности. Особо выделяются из этого ряда концепции региональной безопасности, которые зачастую имеют привязку к определенной организации, например, страны Европейского союза выработали Европейскую стратегию безопасности [4, с. 1]. В ряде случаев концепции безопасности выходят за рамки организации и даже одного региона, но все еще носят название региональных.

При изучении теорий международной безопасности учеными используется также метод моделирования для наглядного представления о работе концепции. Один из видов классификаций модели международной безопасности связан с количеством субъектов, обеспечивающих функционирование модели.

Первый – однополярная система безопасности – сложился и приобрел популярность в XX веке. С точки зрения данной модели безопасность может быть обеспечена только в случае наличия на мировой арене явного лидера, ответственного за поддержание мира. Большинство исследователей сходятся в том, что таким лидером должны выступать Соединенные Штаты Америки, победители «Холодной» войны. На втором плане в данной модели стоят международные организации, а также возглавляемые США военные союзы, призванные обеспечивать американское присутствие на всех континентах. По мнению политолога Дж. Ная [43, с. 105], отсутствие сверхдержавы-лидера пагубно для всех акторов международных отношений, поскольку некому задавать вектор развития и сдерживать агрессию отдельных субъектов. Иногда в современном прочтении роль гегемона иногда отдается не США, а крупным транснациональным корпорациям.

Однополярная модель безопасности часто подвергается критике, поскольку идея американской гегемонии не является общепринятой, а военные альянсы США-пережитки «Холодной» войны непригодны для противодействия

современным угрозам безопасности: экологическим проблемам и экономическим кризисам. Кроме того, такая модель зачастую критикуется учеными-конспирологами как предлог для создания мирового правительства.

В ходе «Холодной» войны наиболее популярной являлась биполярная модель безопасности или модель «баланса сил», согласно которой все элементы системы международных отношений входят в сферу влияния одного из двух лидеров мировой арены, а взамен получают покровительство и защиту.

По мнению критиков [32, с. 166], несостоятельность этой модели в самой ее сути, поскольку наличие двух лидеров противоположной идеологии предполагает их противостояние, которое может перерасти в открытый вооруженный конфликт и, в конечном итоге, войну. Таким образом, такая система неспособна гарантировать безопасность и может сама являться угрозой, на любом уровне международного взаимодействия.

Наиболее богатой историей обладает модель «концерта держав», носящая название системы международных отношений, сформированной после Венского конгресса в 1815 году. По примеру Священного союза, эта модель делегирует обязанности по гарантии безопасности союзу нескольких крупных влиятельных стран. Идея подобного аристократического правления предполагает лучшую согласованность действий, чем между членами крупной организации, подобной ООН, отсутствие гегемонии одного актора и альтернативу прямому столкновению биполярной системы.

Существуют разные точки зрения на проблему формирования концерта. По мнению большинства исследователей, обеспечивать мировую безопасность должны наиболее экономически развитые страны (страны «большой восьмерки»). Альтернативная позиция объединяет в «концерт» государства по представительному признаку – по одному государству от региона или континента [1, с. 373]. Критика данной модели строится на двух тезисах. Первый – нестабильность и возможность конфликта между великими державами внутри «концерта», который приведет к дестабилизации системы. Второй –

игнорирование интересов малых и средних государств, иными словами, олигархичность и нелегитимность этой модели.

Наиболее популярной альтернативой однополярной системы является многополярная модель, поскольку именно она стала результатом завершения «Холодной» войны. Согласно этой концепции, военное превосходство не является детерминирующим фактором для поддержания безопасности, уступая место экономической и научной развитости, культурному влиянию, «мягкой силе». Именно поэтому выделяются новые центры силы, способствующие поддержанию международной безопасности – Китай, Япония, Россия, ЕС. Эта модель получила популярность в Российской Федерации и закреплена в стратегии национальной безопасности страны. Оппоненты данной модели апеллируют к невозможности сосуществования обилия центров силы, призванных обеспечивать безопасность. Конкуренция лидеров, как считают ученые, со временем может перерасти в конфронтацию в различных сферах, что приведет к усилению угроз безопасности.

Последняя в данной типологии модель международной безопасности носит название глобальной. По мнению ее сторонников, международная безопасность обеспечивается по-настоящему только при участии всех акторов международных отношений, в первую очередь – государств - и только на глобальном уровне. Создание этой модели становится возможным лишь в случае наличия общей системы ценностей. Хронологически это модель была создана последней и считается результатом эволюции теорий безопасности. Данная концепция приобрела популярность среди глобалистов, однако критикуется последователями других направлений за отсутствие продуманного механизма функционирования и нереалистичность, обусловленную слишком большим количеством гарантов безопасности.

Другим важным критерием является характер взаимодействия элементов системы и отношений между ними. Первая из таких парадигм – концепция коллективной безопасности. Первое упоминание этого термина связано с началом функционирования Лиги Наций, когда были предприняты первые

попытки к созданию системы безопасности, исключающей возможность вооруженного столкновения, подобного Первой мировой войне.

Ключевым элементом данной парадигмы коллективной безопасности является наличие группы государств, имеющих общей целью защиту и поддержание безопасности, а также наличие военного комплекса, достаточного мощного для того, чтобы устранить возможные угрозы. Таким образом, базисом является сплочение государств против конкретного врага или более абстрактной угрозы. Одной из угроз в некоторых случаях может являться государство или военный блок противоположной идеологической принадлежности или с противоречащими геополитическими интересами.

Модель коллективной безопасности призвана привлечь внимание к военно-стратегическим вызовам. При этом она не предусматривает решения проблем в иных сферах международной деятельности. Таким образом, в современном мире условия реализации данной модели ограничены. Тем не менее, поскольку военные и политические вызовы, подобные международному терроризму и расширению НАТО, до сих пор являются наиболее опасными для международной безопасности, данная модель имеет все основания для существования.

По мере развития международных отношений усложнялись и стратегии поведения государств, включая не только аспекты прямого давления – «жесткой силы» [30, с. 73], но и опосредованного влияния через культуру и социальную сферы – «мягкую силу» [43, с. 221], вследствие чего была создана концепция, принимающая новые методы осуществления внешней политики и дипломатии во внимание – модель всеобщей безопасности.

Цель данной парадигмы – подчеркнуть полимерный характер международной системы, важность учета интересов всех акторов международных отношений и использования как «жесткой», так и «мягкой» силы. С точки зрения сторонников теории, на первый план должны выходить не военно-политические альянсы, но иные институты.

Позиция критиков концепции основывается на отсутствии проработанного определения международной безопасности, неприемлемости настоящего институционального устройства международной арены для реализации этой модели и размытость интересов, которые должны преследоваться акторами в рамках парадигмы.

Наиболее современной является модель кооперационной безопасности, сочетающая некоторые принципы двух других концепций. С одной стороны, данная модель провозглашает комплексный характер международных отношений, с другой – утверждает наличие иерархии задач, целей и приоритетов для акторов. Приоритетными являются мирные способы разрешения конфликтов и нивелирования угроз, однако использование военной силы не запрещается, в качестве превентивной меры и миротворческого средства. Сторонники концепции поощряют контакты между государствами разных цивилизаций и формаций и культурный диалог [50, с. 25]. Хотя основным актором признается национальное государство, роль ТНК и МПО в современном мире не преуменьшается.

Поскольку концепция была разработана с конце XX века, она еще не приобрела окончательного оформления и до сих пор дополняется. Институциональная база данной модели все еще в разработке, границы применения силы в международных отношениях, роль военных альянсов в обеспечении безопасности и основные угрозы. Именно продолжающаяся разработка модели служит основным аргументом критиков [32, с. 301]. Некоторые государства стремятся использовать данную модель для построения иерархичной системы безопасности и занять в ее рамках лидирующую позицию.

Таким образом, важность проблемы международной безопасности подтверждается обилием различным подходов и моделей, призванных обеспечивать мировую стабильность. Трансформация парадигм безопасности и вызовов является важным объектом исследования в рамках изучения данной проблемы, поэтому представляется необходимым рассмотреть традиционные

угрозы и их влияние на процесс изменения стандартов международной безопасности.

Обзорный анализ общетеоретических основ международной безопасности позволяет продолжить исследование проблемы обеспечения мировой стабильности с точки зрения традиционных или классических парадигм. Несмотря на постоянно меняющуюся обстановку на международной арене, некоторые положения традиционных концепций применимы и по сей день. В основе большинства современных парадигм безопасности по-прежнему лежат измененные положения традиционных концепций. В частности, большинство международных правоохранительных организаций, таких, как Европол и Интерпол, инкорпорируют принципы традиционных концепций в свои Уставы [11, с. 2] и используют в своей деятельности.

В основу разделения парадигм на традиционные и современные лежит сразу несколько критериев. Ключевым, по мнению большинства исследователей, является то, каким угрозам они призваны противостоять. Традиционными угрозами, составляющими основу классических парадигм, считаются военные угрозы, подобные трансграничной агрессии. При этом нельзя исключать, что традиционные угрозы существуют и сегодня, некоторые в измененном, иные – в первоизданном виде. Так, угроза терроризма, появившаяся впервые в XIX веке, сегодня достигла до глобального уровня, однако ее военная природа осталась неизменной. Это объясняет непреходящую актуальность традиционных парадигм.

Ключевыми понятиями традиционных концепций являются «национальный интерес», «суверенитет» и «жесткая сила» [43, с. 37]. Именно в рамках этих категорий происходит развитие научной мысли о парадигмах безопасности. С течением времени эти понятия претерпевали множество трансформаций, нашедших отражение в работах теоретиков политического реализма.

Традиционно принято считать, что большинство классических парадигм принадлежат к школе политического реализма. Согласно апологетам данного

направления, ключевая роль на мировой арене, включая сферу поддержания международной безопасности, принадлежит государствам [42, с. 118]. Наиболее эффективными для достижения баланса считаются военные средства, поскольку в условиях полной анархии межгосударственной системы, основной характеристикой которой является постоянное соперничество за безопасность и реализацию собственных интересов, только они способны оказать достаточное влияние на дестабилизирующие элементы. Согласно этой логике, любая безопасность, предполагает в первую очередь защиту территории от внешних военных угроз. Наиболее выдающимися теоретиками классического реализма, которым принадлежат данные постулаты, являются Никколо Макиавелли, Томас Гоббс и Ганс Моргентау.

Несмотря на приоритетное развитие Н. Макиавелли теорий государственного устройства и управления, некоторые его идеи, изложенные в «Государе» [8, с. 56] и «Размышлениях на первую декаду Тита Ливия» [8, с. 78], применимы к системе обеспечения безопасности в международных отношениях, в частности, тезис о важности военной мощи и ключевой роли государств в международных отношениях.

Идеи Н. Макиавелли впоследствии развил Т. Гоббс в своем «Левиафане» [2, с. 46]. Государство поминалось им как результат договора, завершившего эпоху «войны всех против всех». Однако во имя безопасности, гарантируемой государством, люди пожертвовали своими правами и свободами. Таким образом, именно государство, а не индивид является ключевым игроком на международной арене и в сфере обеспечения безопасности.

Несмотря на долгую историю школы, ее идеи впервые были структурированы только в XX веке. Так называемые шесть принципов политического реализма сформулировал Г. Моргентау [42, с. 579]. Согласно его тезисам, политика и общество управляются объективными законами, основанными на несовершенной природе человека; государствами при этом движет национальный интерес, определяемый с позиции силы. При этом политическая сфера является автономной, в том числе как субъект изучения. Г.

Моргентау также считал, что утверждение единых, общих моральных ценностей и принципов во всем мире невозможно, и ни одно государство не должно принимать на себя «роль мессии» [42, с. 588] в этом аспекте. Впоследствии этот тезис стал одним из ключевых обоснований для развязывания «Холодной» войны между странами социалистического и капиталистического лагерей. Таким образом, Г. Моргентау также рассматривал роль государств в поддержании безопасности как ключевую, а также ставил под сомнение возможность образования универсальной системы безопасности ввиду кардинально различных интересов государств – элементов системы.

На практике положения классических парадигм нашли свое отражение в середине XVI века. Так, впервые тезис о ключевой роли государств в поддержании безопасности был закреплен государствами после завершения Тридцатилетней войны в 1648 году [1, с. 15]. Подобно тому, как каждое действие вызывает противодействие, реакцией мира на масштабные боевые действия стало создание первой комплексной теории безопасности, предусматривавшей, помимо приоритета национального интереса, принципы государственного суверенитета, нерушимости границ и баланса сил, а также приоритетное использование дипломатии и международного права для решения конфликтов.

С течением времени и изменением международной арены некоторые принципы были постепенно пересмотрены. Последовавшая за Вестфальской Венская система [1, с. 17] включила в свою структуру концепцию коллективной безопасности, обеспечиваемую блоком европейским государств-гегемонов. Такой подход был оправдан прежде всего наличием общего врага – Османской империи.

Последующие мировые войны коренным образом изменили не только карту мира, но и подходы к международной безопасности. После неудачи сформированной после Первой мировой войны идеалистической Версальско-Вашингтонской системы, основанной на «Четырнадцати пунктах» Вудро Вильсона [1, с. 17], ведущие государства предпринимали попытки сформировать рабочую систему безопасности, однако вследствие идеологических разногласий

они не увенчались успехом. Впоследствии неспособность достичь консенсуса в вопросах безопасности и преследуемая западными государствами политика умиротворения агрессора [26, с. 68] привела к развязыванию новой мировой войны. С торжеством антигитлеровской коалиции сложилась Ялтинско-Потсдамская система, отвечавшая интересам государств-победителей и имевшая скорее реалистическую принадлежность.

Однако своего расцвета как реализм, так и классические парадигмы достигли в разгар «Холодной» войны в середине XX века. Во многом это историческое событие наложило отпечаток на восприятие акторами международных отношений понятия безопасности, что нашло отражение в классических парадигмах. На протяжении полувека безопасность обеспечивалась с помощью поддержания баланса сил между супердержавами – СССР и США. Гарантии безопасности создавались путем наращивания военной мощи сверхдержавами для поддержания этого баланса и основывались на концепте абсолютной суверенности национальных государств, рациональность действий которых не ставилась под сомнение.

Основной целью государств при этом было не обеспечение безопасности, а стремление к абсолютной власти или расширению сферы влияния. Безопасность виделась как защита от вторжения с помощью технических и военных средств. Постоянное наращивание военного потенциала было обусловлено, по мнению политологов, не только необходимостью поддержания ядерного паритета, но и действием дилеммы заключенного [46, с. 56], согласно которой государства не способны отказаться от наращивания вооружения в отсутствие гарантий с другой стороны.

Именно поэтому традиционно считается, что наибольший вклад в развитие традиционных парадигм безопасности в XX веке внесли американские и советские политологи – помимо главенствующего положения сверхдержав на международной арене, развитие политологии и геополитики, особенно в сфере разработки и практического применения концепций международной безопасности, спонсировалось государством. Их общей идеей являлся тезис о

наличии врага, агрессию и рост сферы влияния которого необходимо сдерживать. Особенно ярко это прослеживается в доктринах, созданных американскими учеными.

На начальных этапах «Холодной» войны в США была разработана стратегия отбрасывания. Она была задействована для сдерживания роста социалистического лагеря и содержала в своей основе идею создания вокруг советского пространства сети военных баз, а также финансирование оппозиции и активную антисоветскую пропаганду в странах, попавших в сферу влияния СССР. Сопутствующая ей теория сдерживания, разработанная Дж. Кеннаном [47, с. 93], содержит идею поддержания мира на основе неизбежности тотального возмездия противника при условии нанесения ему ядерного удара. Формально эти теории призваны обеспечивать стабильность и защищенность определенной группы государств, что соответствует системе коллективной безопасности. Именно эта теория легла в основу доктрины Г. Трумэна, президента США в послевоенные годы.

Впоследствии в попытке усовершенствовать подходы к безопасности и сделать их более эффективными для противодействия новым угрозам, американские политологи во главе с Дж. Ф. Даллесом [28, с. 77] разработали теорию домино, согласно которой расширение социалистического лагеря происходило подобно цепной реакции – достаточно только одному государству из региона стать социалистическим, как другие последуют этому примеру.

Однако такая теория не была призвана противостоять угрозам, а лишь формулировала их и способствовала разработке внешнеполитических концепций Соединенных Штатов. Одной из первых в ряду стратегий стала доктрина массированного возмездия [1, с. 35], предусматривавшая увеличение стратегического ядерного потенциала, а также авиации. Она также предполагала возможность нанесения внезапного ядерного удара по СССР и Китаю. Дополнялась эта стратегия доктриной Эйзенхауэра [30, с. 40], согласно которой любая страна, подвергшаяся военной агрессии, могла обратиться за

стратегической помощью к Соединенным Штатам. В первую очередь эта доктрина была направлена против агрессии СССР и КНР.

С приходом к власти Дж. Кеннеди конфронтационные настроения в американском обществе усилились, что было отражено в доктрине президента: «Мы хотим, чтобы все нации знали, что мы заплатим любую цену, вынесем любую ношу, перенесём любые трудности, поддержим любого друга и сразимся с любым врагом для того, чтобы выжить и обеспечить свободу» [1, с. 153]. Разразившийся впоследствии Карибский кризис способствовал очередному пересмотру теорий безопасности и учреждению доктрины Никсона, согласно которой США обязывались участвовать в обеспечении обороны своих союзников и самостоятельно определять масштабы и сферы своего вмешательства, руководствуясь своими национальными интересами. Впервые в официальной доктрине содержался не призыв к активной интервенции, а обороне союзных держав.

Очередным поворотным событием в истории развития теорий международной безопасности стал ввод советских войск в Афганистан. Внешнеполитическая полемика США снова претерпела изменения, отраженные в доктрине Картера, одним из ключевых положений которой являлся тезис о важности удержания сфер влияния путем предотвращения вторжений. При этом регион Персидского залива прямо назывался жизненно важным интересом Соединенных Штатов, хотя оглашение регионов, в которых государство преследовало интересы, ранее не практиковалось ни одной из держав.

Если до этого большинство концепций внешней политики и обеспечения безопасности США апеллировали в первую очередь к «жесткой силе», то доктрина Рейгана [31, с. 58], последняя из сформулированных в годы «Холодной» войны, впервые включила в себя аспекты «мягкой силы». Ее суть заключалась в намеренном поддержании антикоммунистических движений и восстаний в странах социалистического лагеря, что способствовало замене чуждых советских идеалов американскими, укрепляя роль США как гегемона на международной арене. Выдвинутая Р. Рейганом стратегическая оборонная

инициатива [26, с. 111] имела более практический характер и предусматривала завоевание господства в космосе для использования его пространства с целью защиты от любых угроз. При этом данная обязанность по обеспечению безопасности как в регионах, так и во всем мире также доставалась Америке.

Советские ученые, как и сама держава, стремились не отставать от США. Поэтому при создании первого блока коллективной безопасности во главе с Соединенными Штатами был создан блок ОВД, состоявший из стран социалистического лагеря. Таким образом, теория обеспечения безопасности переживала виток популярности системы коллективной безопасности, что подтверждает явный антагонизм блоков.

В период с начала «Холодной» войны вплоть до вторжения в Чехословакию в 1968 году Советский Союз не имел четко сформулированной внешнеполитической стратегии, однако активно развивал стратегические союзы с развивающимися державами – Китаем и Индией – для обеспечения безопасности во всех регионах. Во многом такой подход прослеживается и во внешнеполитическом курсе современной России.

Наиболее известными внешнеполитическими доктринами безопасности Советского Союза являются доктрина Брежнева [1, с. 189] и «новое политическое мышление». Базовым тезисом доктрины Брежнева стала идея о допущении вмешательства СССР во внутренние дела стран Центральной и Восточной Европы, входивших в социалистический блок, для обеспечения стабильности политической обстановки социалистического лагеря.

При осознании близкого поражения в «Холодной» войны с целью максимального удержания позиций и сфер влияния в период перестройки было выработано «новое политическое мышление» [1, с. 296]. Впервые в этой доктрине появился тезис о важности и первичности индивидуальных потребностей, прав, свобод и безопасности отдельно взятого человека. Это отвечало реалиям времени, однако не означало полного отказа от противостояния с США, которое планировалось повернуть в более полное понимания и сотрудничества русло. В большей мере эта концепция

соответствовала не классическим вызовам безопасности, но современным, поскольку акцент сместился с государственной безопасности на безопасность индивида, гражданина.

Стремясь обеспечить безопасность своих жителей и гарантировать соблюдение геополитических интересов в условиях антагонизма двух ядерных сверхдержав ряд государств, даже принадлежащих к одному из блоков, преследовали политику изоляционизма. К таким державам относятся КНР, Куба, а также Северная Корея. Попытку разрыва с НАТО и секуляризации политического курса предпринял и Ш. де Голль во Франции [26, с. 321], однако она не увенчалась успехом. Подобная позиция остается популярной в государствах с авторитарным режимом, при этом некоторые из них (КНДР) считаются угрозой международной стабильности, и в целом такая модель поведения не считается благоприятной для мировой арены.

По мере обострения антагонизма между США и СССР все более явной становилась проблема обеспечения безопасности граждан противостоящих сверхдержав, а также стран, ставших для них «полем битвы». Из-за голода, бедности и распространения болезней все чаще вспыхивали локальные конфликты, перераставшие в гражданские войны. Государства повсеместно обвинялись в неспособности защитить своих граждан, а также в жертвовании их интересами в угоду интересам государства согласно идеям традиционных парадигм безопасности [47, с. 432].

В первую очередь именно по этим причинам традиционные концепции были пересмотрены, чтобы наиболее эффективно обеспечивать безопасность не только суверенных национальных государств, но и их граждан. Несмотря на основополагающий для международных отношений XVII-XX веков характер традиционных парадигм, также признание национального интереса как детерминирующего вектора действий государств, в конечном итоге несоответствие новым глобальным ценностям и неспособность охватить все современные угрозы безопасности послужили главными тезисами для критиков классических концепций.

1.2 Критика классических парадигм безопасности

Завершение «Холодной» войны запустило переходный этап в развитии теорий международной безопасности. Комплексные перемены как во внутриполитических курсах государств, так и на международной арене повлекли за собой волну критики традиционных концепций, неприспособленных к противостоянию сложившимся угрозам в условиях отсутствия новых, актуальных парадигм.

Однако неверно полагать, что критика традиционных концепций зародилась только на исходе «Холодной» войны. Оппозиция любой теории обыкновенно следует за появлением самой теории. Так, одним из первых критиков тезисов Н. Макиавелли стал король Пруссии Фридрих II [32, с. 26]. Будучи последователем политического либерализма, правитель упрекал реалистическую концепцию Макиавелли в пренебрежении безопасностью подданных, чем открыл череду использования схожих аргументов.

Уже в течение XX века к подобным тезисам апеллировал А. Раппопорт [46, с. 77]. По его мнению, концепция безопасности, в центре которой стоит не человек, а государство, неэффективна и негуманна, а также приводит к негативным долгосрочным последствиям. Кроме того, им была установлена обратная зависимость между безопасностью государства и его граждан вопреки тезисам традиционных концепций: так, любое южноафриканское государство в условиях международной конфронтации усиливает границы и ужесточает режим, при этом подвергая жизни своих жителей внутренней угрозе вместо внешней.

Согласно критикам, государство, наращивая военную мощь, ставило под угрозу не только жизнь и безопасность своих граждан, но и свою собственную. Это объяснялось сформулированной Джервисом [30, с. 356] дилеммой безопасности: «методы, с помощью которых укрепляется безопасность государства, по своей природе снижают безопасность других государств», таким образом, усиление одного государства приводит к увеличению оборонных

расходов других государств. При этом в реалистических концепциях безопасности ослабление актора воспринимается другими как слабость и заставляет их действовать агрессивно в отношении слабого [55, с. 89].

С целью смещения акцента на защиту индивида теоретиками была разработана концепция «альтернативной безопасности», основанная на идее о дестабилизации международной арене играми с нулевыми суммами [50, с. 13]. По сути эта теория представляла собой комплексную критику традиционных парадигм безопасности, а не полноценную функциональную концепцию. Для апологетов данной теории мир и безопасность означали не только отсутствие военной угрозы, но и утверждение условий социальной справедливости и взаимопонимания в государствах и между ними. Идеи «альтернативной безопасности» включали также положения, получившие наибольшее распространение в странах Восточной Европы в период перестройки – такие, как: «ядерная заморозка», неагрессивная защита, распространение демократии и разоружение, осуществление «разрядки снизу» [46, с. 104].

Критика традиционных парадигм безопасности была предложена также учеными-конспирологами: по мнению Л. Гэддиса [26, с. 68], традиционные парадигмы безопасности отвечают интересам и обеспечивают безопасность исключительно своих создателей – сильных, развитых держав, а также правящих ими элит, при этом оставляя за бортом «спасательной шлюпки» развивающиеся государства и страны Третьего мира с их населением. Подтверждение данного тезиса, с позиции исследователей, служит феномен глобализации, а также эффект, оказываемый им на экономику: монополизация международных рынков богатыми странами, приводящая к усугублению дисбаланса между Севером и Югом [47, с. 112].

Кроме того, некоторые исследователи теорий заговора [50, с. 6] полагают, что преобладание американских ученых в процессе разработки традиционных парадигм неслучайно, и их положения направлены на распространение гегемонии США и становление однополярного мира. В качестве аргументов приводятся растущие оборонные затраты Соединенных Штатов, открытые

интервенции в Корею и Вьетнам, создание пояса сателлитов и распространение западных ценностей, экономическое форсирование влияния.

Критика теорий безопасности не являлась исключительно прерогативой ученых. Во многом это объясняется крайне остросоциальной проблематикой сферы безопасности, особенно в годы «Холодной» войны. Помимо стихийно возникших идеологий хиппи и пацифистов широко известны диссидентское движение и панъевропейские теории, которые нашли свое воплощение, став идейной основой Европейского союза [4, с. 2].

Учитывая тесную связь между «Холодной» войной и традиционными концепциями безопасности, неудивительно, что ее конец обозначил и кризис классических парадигм. Самой очевидной причиной кризиса обеих систем стала неспособность ответить на угрозы и решить проблемы, возникшие в середине 1980-х годов на международной арене. Они потребовали переосмысления термина «безопасность» и вывели на арену новых игроков.

Так, возросшая частота экономических контактов между государствами обозначила данный фактор как один из важных в международных отношениях. Помимо прочего, это поспособствовало росту влияния ТНК [38, с. 213] на международной арене. Они становились источниками новых угроз безопасности и глобальных проблем, в том числе экологических и экономических. Представители финансовых элит начинали диктовать свои условия политической игры.

К новым акторам международных отношений исследователи [30, с. 75] причисляют также межправительственные и неправительственные организации, которые призваны, в том числе, обеспечивать безопасность, участвовать в решении международных проблем и представлять интересы определенных групп населения на международной арене. Традиционные концепции не предусматривали участия никаких других акторов, кроме государств, в обеспечении международной безопасности, а потому подвергались критике со стороны участников неправительственных организаций [32, с. 345].

Узкая государственно-центристская и предполагающая военный антагонизм традиционная концепция не могла отвечать потребностям международного сообщества, в связи с чем исследователи стали уделять больше внимания исследованию социального порядка и институтов гражданского общества. Т. Лукман [7, с. 55] пришёл к выводу, что для возрастающей роли социальных институтов в традиционных концепциях нет места.

В качестве подтверждения этих слов Ф. Закария [5, с. 78] привел анализ конфликта в Югославии, решенного при помощи посредников. Несмотря на использование вооружений и реалистическую природу конфликта, либеральные методы решения – посредничество и вмешательство международной организации – оказались весьма эффективными для ликвидации этого конкретного противоречия и, в дальнейшем, обеспечения защиты прав местного населения. Исследователь указал на несвоевременность вмешательства и ангажированность сторон, но признал его эффективным.

Кроме того, период после завершения «Холодной» войны стал своеобразным Ренессансом, осуществилось переосмысление роли человека в обществе, и в том числе, в международных отношениях, его безопасность, права и свободы признавались первоочередной задачей мирового сообщества, что также не укладывалось в рамки классических парадигм, поскольку в них безопасность государства ставилась выше индивидуальной безопасности его граждан. По мнению С. Смита [50, с. 33], государства не только не способны защитить граждан, но порой могут угрожать их безопасности. Таким образом, заключалось, что верный путь к безопасности – освобождение людей от ограничений с тем, чтобы они могли делать осознанный самостоятельный выбор.

К необходимости обеспечения права выбора в рамках критики традиционных парадигм апеллировали также представители школы феминизма. Одним из последствий глобализации, по мнению Дж. Тикнер [54, с. 105], стало увеличение роли женщин в общественной жизни, в том числе и политической – многие ответственные посты теперь могли занимать и женщины, следственно, они были способны и участвовать в поддержании международной безопасности.

Тикнер аргументирует это различиями в гендерных ролях и восприятии – если мужчины более искусны в военном деле, то женщины, как правило, заинтересованы в поддержании мира и нивелировании конфликтов, в связи с чем их участие в системе обеспечения международной безопасности должно быть расширено. Вместе с тем предполагалось осуществить пересмотр методов, используемых для поддержания баланса, и заменить приоритетное прежде наращивание военных потенциалов на более мирные методы, например, развитие экономик и культурного диалога, что также требовало изменения сути традиционных концепций безопасности.

С развитием институтов защиты прав человека претерпел изменения и смысл понятия «безопасность», который охватывал все больше сфер общественной жизни. Помимо социального благополучия и баланса и присущего ей прежде контекста отсутствия военной угрозы, безопасность стала включать в себя соблюдение прав различных групп населения, в том числе различных меньшинств, защиту информации как в киберпространстве, так вне его. При этом для борьбы с трансграничной преступностью, частью которой является и киберпреступность, государствам необходимо было скооперироваться и создать единый орган, уполномочив его действовать в интересах международного сообщества и делегировав ему часть суверенитета. В результате государства перестали быть единственными акторами, способными обеспечивать безопасность на международной арене, что также служит аргументом для критиков традиционных теорий, предполагавших исключительность государств как гарантов безопасности.

Таким образом, сама новая международная система стала вызовом для традиционных парадигм безопасности, а процессы, протекающие в ее рамках, еще более усугубили положение. Наиболее разрушительным, с точки зрения критиков, стал самый масштабный из них – глобализация. Она охватила все сферы жизни общества и произвела на них эффект, который классические концепции не способны были предугадать, предотвратить и нивелировать. Помимо экономики и социальной сферы этот феномен также повлиял на

культуру (в том числе религию) и политику. Наиболее значимым последствием этого влияния стало развитие международного терроризма, быстро пополнившего плеяду глобальных проблем. Наряду с киберпреступностью, решение данной проблемы потребовало кооперации государств и создания специализированных органов, не предусмотренных традиционными концепциями безопасности. Кроме того, учитывая преимущественно религиозные корни наиболее активных террористических организаций, классические парадигмы неспособны [38, с. 44] сдерживать их активность.

Однако наиболее активной критике из всех основных тезисов классических концепций подвергается идея коллективной безопасности, изжившая [47, с. 501] себя после завершения «Холодной» войны. В современном многополярном мире, по мнению исследователей, поддержание баланса должно достигаться не путем соревнования антагонистических блоков, но методом мирной кооперации для решения общих проблем акторов международных отношений. После распада ОВД перед критиками встала задача обоснования существования НАТО при условии отсутствия прежнего противника. Некоторые исследователи [30, с. 402] используют этот тезис как аргумент в пользу традиционных концепций, объясняя это тем, что «Холодная» война все еще идет; другие [50, с. 52] именуют НАТО пережитком прошлого, которому нет места в современном мире и системе обеспечения международной безопасности, поскольку данный блок лишь конденсирует напряжение между акторами.

Помимо подрыва позиций НАТО, распад ОВД продемонстрировал еще одну тенденцию на современной международной арене – отказ от военной силы в пользу «мягкой силы». Этот феномен включал в себя методы публичной дипломатии, культурное влияние и обмен между странами, а также, в отличие от гонки вооружений, способствовал снижению напряжения между акторами международных отношений. Кроме того, такой подход согласовывался с экономическими преобразованиями, произошедшими в конце XX века, лучше, чем прежнее развитие ВПК, и больше отвечал интересам населения. Набиравшая популярность «мягкая сила» не вписывалась в рамки реалистических концепций

безопасности, что предполагало их переработку и служило аргументом для критиков [43, с. 256].

Таким образом, по мнению критиков, образовавшаяся после распада «Холодной» войны система международных отношений попала под действие сразу нескольких сил и процессов, протекающих одновременно, вследствие чего прежняя система была в корне изменена, возник ряд новых угроз, а также сместился общий акцент в сфере обеспечения безопасности. Выход таких угроз, как терроризм, на глобальный уровень, и возрастающая значимость экономических кризисов и религиозных конфликтов заставили переосмыслить эффективность традиционных парадигм и их детерминирующую роль в международных отношениях. Этому способствовало также появление новых акторов, обладающих частями суверенитета государств и полномочных участвовать в обеспечении безопасности. Прежние концепции безопасности оказались не готовы к таким переменам, вследствие чего перед исследователями встала задача создания новых концепций для современного состояния системы международных отношений.

2 Современные концепции безопасности

2.1 Характеристика новых парадигм безопасности

С завершением «Холодной» войны перестала существовать в чистом виде и биполярная система международных отношений. С течением времени полюса силы смещались и постепенно образовалась новая система равновесия, многополярная.

Главным отличием этой системы явилось наличие не только сильных государственных акторов, но и негосударственных. В их число вошли не только международные неправительственные организации, но и отдельные выдающиеся личности, крупные экономические организации (ТНК), а также ряд агрессивных негосударственных акторов. Последние образовались в результате возникновения вакуума силы в международных отношениях после значительного ослабления государств социалистического блока. В основном к агрессивным негосударственным акторам причисляют террористические организации, а также киберпреступные объединения [56, с. 15]. Их основная цель – не только захват власти, но и дестабилизация текущего положения на международной арене.

С появлением таких акторов возникла необходимость в реформировании парадигм международной безопасности с учетом новых факторов опасности. Поскольку действия агрессивных негосударственных акторов угрожают всем участникам международных отношений, а также могут потенциально привести к развязыванию войны, потребовалась кооперация всех акторов для выработки новых концепций безопасности, отвечающих вызовам рубежа столетий.

Парадокс возник в процессе выработки методов борьбы с угрозой агрессивных негосударственных акторов [57, с. 106]. Неолиберальные методы воздействия - переговоры и экономическое давление - не срабатывали должным образом, а более агрессивные методы не соответствовали требованиям современных концепций безопасности.

Кроме того, с триумфом стран капиталистического блока произошла также повсеместная трансляция присущей им системы ценностей [49, с. 113], в связи с чем распространилась идея обеспечения индивидуальной безопасности граждан. Стало возможным рассматривать государство как потенциальный источник опасности для собственных граждан. Теоретики сравнивали государство с автомобилем: в случае аварии транспорт способен убить не только пешехода, но и водителя с пассажирами.

С появлением новых субъектов безопасности расширялись также рамки потенциальных угроз: признавалось, что человечеству может угрожать не только война, но и голод, финансовый кризис, ухудшение окружающей среды, киберпреступления.

С учетом всех этих факторов потребовалось произвести значительное структурное преобразование параметров международной безопасности. Применительно к полученным методом трансформации новым стратегиям теоретики используют термины “углубление” и “расширение” факторов обеспечения безопасности [52, с. 205]. Расширение включает в себя признание не только военных угроз безопасности, но также: терроризм, экологические катастрофы, пандемии и массовые волны миграции. Углубление подразумевает включение негосударственных акторов в список акторов международной безопасности. Эти два явления связаны, поскольку нивелирование нетрадиционных угроз зачастую требует привлечения негосударственных акторов. При этом государство, как правило, остается ведущим актором и центром построения новых структур для обеспечения безопасности.

Именно роль государства в новой системе международных отношений стала предметом разногласий между теоретиками двух школ международных

отношений: либеральной и реалистической. Сторонники реализма [44, с. 12] утверждают, что государства незаменимы на международной арене и ни один из новых акторов не сможет занять их место. Неореалисты [41, с. 377] не столь радикальны и признают влияние международных организаций и ТНК на международную безопасность. Представители либерального направления [53, с. 2] отводят главенствующую роль в определении параметров международной безопасности индивидам как гражданам, при этом признавая значение всех международных акторов при обеспечении стабильности на международной арене.

Даже при существующих разногласиях, все теоретические школы признают существование трех тенденций, влияющих на обеспечение международной безопасности. Это глобализация, секьюритизация и стремление к гарантии индивидуальной безопасности.

Наибольшее влияние на процесс становления современных концепций безопасности оказала глобализация. Благодаря ей возросла взаимозависимость государства и общества, возникли глобальные угрозы, с которыми государства не могли справиться поодиночке, что усилило их сотрудничество и укрепило их связи. Влияние глобализации оценивается как противоречивое [39, с. 355], поскольку этот процесс сплотил не только государства, но и агрессивных негосударственных акторов, сделав эту угрозу более весомой.

Кроме того, с ростом значения индивидуальной безопасности была создана универсальная антропоцентрическая картина мира. Военные меры уступили пьедестал мирным методам разрешения конфликтов, поскольку помимо военных угроз для государств отныне имели значение также угрозы голода, бедности и кризиса, в условиях которых граждане, а соответственно, и государство, не могли нормально функционировать.

Помимо перечисленных изменений, в подходе к концепциям безопасности произошла еще одна существенная перемена: монополия государств на обеспечение международной безопасности была оспорена, а само государство порой рассматривалось в качестве угрозы в случае ограничения ключевых прав

населения. Несмотря на гуманность, концепция индивидуальной безопасности зачастую подвергалась критике теоретиков-традиционалистов [36, с. 50], поскольку границы понятия «безопасность» размывались до такой степени, что сливались со сферами здравоохранения, развития и обеспечения благосостояния населения.

Ответом на подобную критику стало явление секьюритизации [21, с. 203], суть которого в том, что любая проблема государственного значения может быть рассмотрена в качестве вопроса безопасности. В таком случае предполагается, что проблема угрожает существованию всего аппарата государственной власти, в связи с чем полагается возможным использовать любые меры воздействия с целью нивелирования угрозы, вплоть до расширения легально возможного спектра методов и последующего притеснения прав населения.

В связи с этим концепция секьюритизации зачастую выступает объектом критики. Аналитики [23, с. 109] утверждают, что возведения проблемы в ранг угрозы безопасности недостаточно, поскольку это не способствует ни решению вопроса, ни более эффективной организации человеческих ресурсов. Такие меры считаются контрпродуктивными; по мнению критиков концепции, ограничение прав и свобод населения не оправдывается необходимостью его защиты.

С учетом всех особенностей международных отношений рубежа XX-XXI веков представляется возможным перечислить следующие характерные черты современных концепций международной безопасности:

1. Все угрозы безопасности взаимозависимы. Это объясняется протекающей в настоящее время глобализацией и требует комплексного подхода к решению любой проблемы, угрожающей безопасности.

2. Каждая угроза требует индивидуального подхода [24, с. 2]. Готовые паттерны работают с меньшей эффективностью, нежели детально продуманные планы, специально созданные для решения конкретной проблемы. Это объясняется быстро меняющейся обстановкой на международной арене, где положение каждого элемента важно для поддержания стабильности всей системы.

3. Ни одна угроза международной безопасности не может быть ликвидирована актором в одиночку. Все проблемы требуют кооперации и обсуждения для успешного их решения.

4. Кроме того, коллаборация с целью решения проблемы должна охватывать не только государства и политические элиты, но и других акторов международных отношений.

5. Только привлечение экспертов в той или иной области может способствовать эффективному решению проблемы, поскольку элементы международных систем в настоящее время настолько тесно взаимосвязаны, что дипломаты уже не обладают достаточным объемом знаний для ликвидации угрозы своими силами.

Таким образом, политические изменения в международных отношениях повлекли за собой значительные сдвиги в других сферах. Исключением не стала и сфера международной безопасности, основной упор в которой под давлением международного сообщества теперь делается на профессионализм, диверсификацию подходов и гуманность. Однако несмотря на продолжение процесса совершенствования современных концепций безопасности для борьбы с угрозами стабильности, зачастую определенные постулаты становятся объектом критики ученых и мирового сообщества. Кроме того, по мнению ряда ученых положения современных парадигм недостаточно эффективны в борьбе против традиционных угроз международной безопасности.

Несмотря на разрозненность новых угроз безопасности и наличие различных подходов к ним у акторов международных отношений, представляется возможным описать схожие черты современных концепций международной безопасности. Наиболее явно проступает следующая особенность: комплексное отличие от традиционных систем безопасности.

Желая нивелировать появившиеся угрозы безопасности, теоретики [39, с. 65] активно пересматривали считавшиеся более неэффективными традиционные концепции безопасности. Таким образом исследователи проблемы безопасности вывели следующие параметры для новых концепций: участие профессионалов в

решении проблем, расширение спектра методов борьбы с угрозами, привлечение международных организаций к миротворческому процессу и обеспечение индивидуальной безопасности каждого человека.

Прогресс концепций безопасности шел в ногу с развитием международных преступных сетей, распространением Интернета и киберпреступности [16, с. 37]. С появлением новых угроз возникали новые, более совершенные, более узкоквалифицированные концепции.

Процесс усложнения и диверсификации начался еще до завершения «Холодной» войны, в конце восьмидесятых годов прошлого столетия. Традиционный государственноцентристский подход к системе международной безопасности сменился неолиберальным антропоцентристским. Стали появляться новые политические течения: конструктивизм, феминизм, постмодернизм. Их последователи [22, с. 102] приносили новые идеи в теорию международной безопасности.

Приобретала популярность теория секьюритизации [21, с. 107], согласно которой любая угроза могла быть рассмотрена в качестве угрозы безопасности, если это позволит ликвидировать ее наиболее эффективным способом. Это расширило горизонты концепций безопасности, а также спектр применимых методов, вплоть до привлечения международных организаций и независимых экспертов.

Расширившие свои полномочия в сфере международной безопасности международные организации активно вовлекаются в процесс разрешения конфликтов в качестве наблюдателей, экспертов и участников мирных переговоров. Такие акторы, как ООН, ОБСЕ, ЕС активно продвигают идеи мирного сосуществования, экономического сотрудничества и культурного диалога [4, с. 2]. Большинство этих идей имеют неолиберальное происхождение и приживаются в основном в государствах Западного мира.

Несмотря на общий индивидуализм и «западный дух» современных концепций, некоторые восточные государства берут на вооружение идеи новых концепций безопасности. Так, в Китае была создана самая эффективная система

кибербезопасности [34, с. 520] путем изолирования от используемых во всем мире программ и создания собственных аналогов. При этом китайские власти активно участвуют в «гонке вооружений» нового поколения, с каждым годом увеличивая траты на вооружение.

Это свидетельствует о преобладании в сознании населения традиционных угроз безопасности, таких, как война, нарушение границ и суверенитета, нападение и другие открытые конфронтации. При этом многие современные угрозы являются «волками в овечьей шкуре», поскольку лишь носят новое имя, по сути являясь традиционными угрозами. Так, за термином «новые войны» скрывается по сути та же война с применением нового вооружения, а «агрессивные государства» обозначают угрозу конфронтации [35, с. 122].

Таким образом, смещение акцента в сторону новых параметров международной безопасности происходит крайне медленно в первую очередь по причине консервативных взглядов населения. При этом такие угрозы, как изменение климата, миграционные потоки, истощение водных запасов не отрицаются, но не рассматриваются как угрозы жизни всего международного сообщества. Их масштаб и относительная географическая изолированность позволяют государствам не принимать радикальных мер в отношении данных угроз.

Для привлечения внимания к новым угрозам были созданы новые школы международной безопасности, призванные не только выработать теоретические основы защиты от новых угроз, но и механизмы их ликвидации. Наиболее известна европейская школа безопасности [39, с. 255]. В ее основе лежат принципы совместного принятия решений, а также координации усилий государств по ликвидации угроз. В рамках этой парадигмы также были выработаны следующие параметры безопасности: окончание гонки вооружений, отказ от ядерного оружия, ограничение агрессивных мер решения конфликтов, борьба с международным терроризмом и запрет на использование военного давления.

Подобные параметры указывают на либеральный характер данной

концепции безопасности. С распадом биполярной системы реалистические концепции значительно потеряли в популярности. Помимо сдачи позиций ведущих регуляторов безопасности государствами и пересмотра ключевых угроз произошла также переоценка традиционной картины мира. Кроме возвышения индивидуальной безопасности над государственной был сделан вывод о выходе на международную арену новых акторов международных отношений: международных организаций, ТНК и неправительственных объединений.

Помимо общеевропейской школы была создана Копенгагенская школа международных отношений, специализирующаяся на сфере международной безопасности. Именно теоретики этой школы ввели понятие секьюритизации. Согласно представителю этой школы, Б.Бузану [21, с. 58], существует пять сфер обеспечения международной безопасности: военная, экономическая, общественная, политическая и экологическая. При этом само понятие безопасности расширяется до отсутствия не только угрозы, но даже возможности ее возникновения. Любая потенциальная угроза может быть политизирована, не политизирована и секьюритизирована. Наиболее эффективным считается вариант секьюритизации угрозы, поскольку это значительно расширяет спектр возможных методов, применяемых для ликвидации угрозы.

Зародились в Европе и «зеленые» школы международных отношений [17, с. 39]. С их точки зрения, современная безопасность определяется не только отсутствием военных угроз, но и безопасностью окружающей среды. Представителей данной школы беспокоит не только толщина озонового слоя и количество ледников, но и захоронение ядерных отходов и сокращение ядерного потенциала. Данная школа активно сотрудничает с МАГАТЭ, организациями «Гринпис» и WWF для обеспечения международной экологической безопасности. Кроме того, существуют «зеленые» партии, которые имеют в своей программе положения по защите окружающей среды.

Помимо европейских ученых, разрабатывали концепции безопасности и представители США. Учитывая преимущественно признаваемый учеными неолиберальный характер современных международных отношений, учеными

Дж. Рэем [45, с. 44] и М. Дойлом была разработана концепция демократического мира. Лучше всего ее ключевая идея «демократии не воюют друг с другом» согласуется с западным миром. По мнению авторов, отношения между демократическими государствами основаны на кооперации и компромиссах, что подкрепляет стабильность отношений между ними.

Однородность и сплоченность демократического мира, впрочем, не исключают возможности конфликта полностью. Так как вопреки идеям Ф. Фукуямы [25, с. 114] еще не все государства стали либеральными демократиями, допускают конфликты между демократическим и недемократическим миром либо внутри недемократического мира.

Невозможно также однозначно утверждать, что либеральные демократии не участвуют в конфликтах. Даже неолиберальные ученые не пренебрегают понятием национального интереса. Однако, по убеждению теоретиков, демократические государства способствуют поддержанию безопасности не путем избегания конфликтов, а путем мирного их урегулирования. Демократические государства предпочитают посредничество и судебное разбирательство оружию.

На основе концепции демократического мира была построена идея либерального институционализма Р. Коэна [32, с. 207]. Она посвящена преодолению реалистической анархии международных отношений и укреплению институтов поддержания безопасности, подобных международным организациям. Это способствует укреплению и соблюдению норм международного права, а соответственно и стабилизации международных отношений.

С развертыванием процесса глобализации теоретикам был брошен еще один вызов. Угрозы перестали быть локальными, а значит, и ответы не могли носить такой характер. По мнению П. Уильямса [56, с. 15], на текущем этапе международных отношений безопасность не может быть локализована, поскольку очаги возникновения конфликтов взаимосвязаны. С этим явлением связано возникновение феномена государств-защитников, взявших под эгиду

весь мир. В настоящее время наиболее показательным примером является модель поведения США, которые, обеспечивая безопасность в определенных регионах мира и участвуя в различных операциях, гарантируют собственную безопасность.

В погоне за обеспечением национальной безопасности сильные державы порой склонны посягать на интересы других государств. Несмотря на торжество идеи равенства и стабильности, некоторые государства считают возможным и необходимым вмешиваться во внутренние конфликты и гражданские войны с целью утверждения мира и безопасности или помощи мирному населению. Такой феномен получил название «гуманитарной интервенции», и, по мнению ученых, имеет двойное дно. Порой под предлогом поддержания мира государства устанавливают косвенную экономическую и культурную диктатуру, подобно метрополиям XVIII-XIX веков.

Склонность к созданию «пояса безопасности» осталась у государств со времен «Холодной» войны. Наиболее подвержены влиянию этого явления бывшие лидеры блоков – Российская Федерация и США. Несмотря на распад биполярной системы и выход бывших сателлитов на международную арену в качестве самостоятельных государств, они все еще сохранили определенную степень зависимости от супердержав. Этот факт и нарастающее информационное противостояние позволяют исследователям говорить о новом витке «Холодной» войны.

Однако, если некоторые бывшие сателлиты остались зависимы, другие предпочли отдалиться от государств-покровителей и создать замкнутые региональные системы безопасности. В настоящее время существуют созданные по такому принципу ШОС, ОБСЕ и ОАГ. При этом существовавший и в годы «Холодной» войны блок НАТО сохранился в первоизданном виде, избрав с распадом СССР менее агрессивную цель: обеспечение защиты от агрессии против любого государства — члена НАТО [14, с. 2]. Блок ОВД стал идейным прародителем ОДКБ (Организации Договора о коллективной безопасности), которая состоит в основном из стран-бывших республик СССР и имеет своей

целью укрепление мира и безопасности [12, с. 2].

Исследователи утверждают [15, с. 333], что волна создания региональных организаций безопасности является следствием двух противоречивых тенденций международных отношений: глобализации и регионализации. Несмотря на провозглашение наиболее эффективной в текущих условиях модели кооперационной безопасности, нельзя однозначно признать ее сложившейся в классическом понимании. В своем сегодняшнем состоянии она складывается не из равноправных суверенных государств, но из разрозненных региональных блоков, которые видят друг в друге не только партнеров, но и потенциальную угрозу.

Помимо изменения положения государств, с наступлением новой эры в международных отношениях произошло переосмысление роли человека в обеспечении международной безопасности. Наиболее значительным поворотом в эпоху постмодернизма стали дебаты о гендерной роли индивида в различных сферах жизни общества, включая международные отношения. Подобно схожему повороту в XX веке, набирали силу феминистские течения. С расширением списка потенциальных угроз за пределы военных распространилась идея о предоставлении женщинам более широких возможностей в сфере обеспечения безопасности [54, с. 87].

Идея о гендерном равноправии созвучна появлению такого феномена в международных отношениях, как «мягкая сила». Впервые предложенный Дж. Наем [43, с. 117] термин вошел в обиход ученых в XX веке. Противовес «жесткой» силе, открытому влиянию с использованием агрессивных и жестких методов, возник в ответ на возникновение гибридных войн и столкновений информационных пространств различных государств. С помощью «мягкой» силы государство может влиять на население страны-конкурента с использованием косвенных методов: кинематографа, литературы, различных культурных событий, а также сотрудничества в сфере здравоохранения и образования. Идею «мягкой» силы взяли на вооружение и наиболее успешно эксплуатируют западные государства, в то время как Российская Федерация и

другие государства отстают.

Помимо культурной сферы, включились в процесс разработки концепций [29, с. 66] безопасности и некоторые религиозные организации. Этот феномен связывают с распространением проблемы религиозного терроризма (в первую очередь, исламского) и упадком уровня культуры. Несмотря на общую тенденцию секуляризации и обмирщения, некоторые деноминации продолжают играть значительную роль в жизни общества и продвигать идеи спасения души и обращения к церкви.

Эффективность таких методов остается под вопросом, однако некоторые государства используют церковные ресурсы для решения конфликтов или вывода населения из кризиса. Примером может служить встреча Папы Римского Франциска и Патриарха Кирилла и их призыв покончить с кризисом в Сирии. По мнению ученых-неолибералов, хотя церковь не может претендовать на подобный государственному масштаб участия в стабилизации международной арены, призыв к миру никогда не останется неуслышанным [48, с. 23].

Значительную роль в борьбе с недавно признанными угрозами безопасности – голодом, бедностью и климатическими проблемами – играют СМИ, освещая проблемы общественности, и публичные персоны: актеры, музыканты и другие деятели культуры, создавая различные фонды и привлекая внимание для поиска решения.

Анализируя разнообразие предложений и теорий для наиболее эффективного обеспечения международной безопасности, можно сделать вывод, что комплексность неолиберального понимания понятия «безопасность» позволяет значительно расширить не только список угроз, но и методов борьбы с ними, от секьюритизации до привлечения негосударственных акторов и выдающихся деятелей культуры и искусства.

Несмотря на многообразие предлагаемых концепций обеспечения международной безопасности и относительную стабильность текущего состояния международной арены, оценить эффективность современных парадигм безопасности представляется возможным только рассмотрев, как

функционируют механизмы защиты международного сообщества от угроз международной безопасности.

2.2 Оценка эффективности современных концепций безопасности

Невозможно в полной мере описать концепции безопасности, не обратившись к вопросу об их эффективности. Несмотря на новизну современных идей обеспечения безопасности, они уже подвергались критике со стороны теоретиков различных школ международных отношений. Кроме того, обилие данных об угрозах текущего периода способствует составлению более полной картины оценки эффективности современных парадигм международной безопасности.

Наиболее активной критике [52, с. 207] подвержена идея о расширении термина международной безопасности вплоть до включения в это понятие индивидуальной безопасности каждого отдельного человека. С этим возникает описанная А. Коллинзом [23, с. 30] «дилемма безопасности» - представляется ли возможным жертвовать безопасностью одного человека ради безопасности целого государства. Эта проблема находит свое отражение при возникновении вопросов об экстрадиции и политических преступлениях, как в случаях Дж. Ассанжа и Э. Сноудена. Кроме того, существует вопрос о признании преступником человека, разыскиваемом в одном из государств мира, всем международным сообществом. По мнению исследователей данной проблемы, вопрос не только в правовом регулировании, но и в ментальности каждого отдельно взятого народа. То, что считается преступлением в одном государстве, не всегда вызывает порицание в другом.

Психологическую сторону восприятия современных концепций безопасности освещал в своих исследованиях Р. Кошут [34, с. 522], полагавший, что большую роль в обеспечении международной безопасности играют СМИ. Человеческое сознание склонно к абсолютизации, а человеческая природа – к индивидуализму, и потому для уничтожения угроз безопасности необходимо сплотить человечество перед лицом опасности. Такой цели служат, по мнению

исследователя, как средства массовой информации, так и лидеры государств, создавая имидж врага. При этом такие угрозы, как глобальное потепление, нехватка ресурсов и голод слишком абстрактны и отсрочены, в связи с чем развязываются целые компании и информационные войны для повышения патриотизма и обеспечения национальной и региональной безопасности.

При определенных условиях СМИ эксплуатируются в качестве орудия информационной войны. Ярким примером служит украинский конфликт 2013 года [53, с. 2], обернувшийся медиа-войной украинских и российских СМИ. Помимо роли средств массовой информации, данный конфликт служит иллюстрацией влияния глобализации на конфликт (в него было прямо или косвенно вовлечено большинство государств), а также ограниченной эффективности современных методов решения конфликта, в частности, посредничества, поскольку, как показала практика, государства, не являющиеся непосредственными сторонами конфликта, не могут окончательно его ликвидировать или повлиять на стороны в мере, достаточной для его разрешения.

Результатом таких действий становится агитация и пропаганда, направленные на создание имиджа воинственного или «отчужденного» государства, во главе которого стоит враг государства. Это противоречит основным постулатам современных концепций безопасности, согласно которым государства должны сплотиться и работать вместе во благо общей безопасности и стабильности на международной арене.

Кроме того, даже при условии успешной проекции образа врага на какое-либо государство или объединение не гарантируется оборона против данной угрозы. Х. Брайс [20, с. 2] объясняет это неэффективностью деятельности международных организаций. По мнению исследователя, со времен Лиги Наций их суть осталась неизменной: они все еще представляют собой международный форум, площадку для разрешений конфликтов, однако не обладают достаточным количеством «суверенной убедительности» и легитимности для вынесения значимых решений. Кроме того, утверждает ученый, большинство международных форумов страдают от противоречий, связанных с проблемами

представительности, разрозненности позиций кворума и неравнозначности участников. В первую очередь существование этих проблем приписывается ООН.

В качестве примера несостоятельности международных организаций в вопросе решения конфликтов Х. Брайс приводит [20, с. 3] миротворческую операцию ООН в Южном Судане, в ходе осуществления которой были неоднократно нарушены права местного населения, которые ее участники призваны защищать. Влияние международной организации на конфликт не только не помогло предотвратить нарушение прав населения, но и усугубило данную проблему. Безусловно, отмечает исследователь, это не вина непосредственно международной организации, однако в дальнейшем требуется разработка механизмов регулирования поведения участников миротворческих операций и санкции за нарушение прав местного населения.

Критика современных концепций безопасности затрагивает также их теоретический аспект. Так, по мнению ученых-реалистов, не представляется возможным полагаться ни на каких иных международных акторов, кроме государств, в вопросах обеспечения безопасности. Согласно Р. Кребсу [35, с. 118], международные организации не заинтересованы в решении международных проблем, поскольку тогда они перестанут быть нужными. Что касается коммерческих экономических объединений, ТНК, П. Портер [44, с. 11] высказал идею о их коррумпированности и участии в торговле оружием, благодаря которой они наживаются на войнах и поэтому также не заинтересованы в поддержании международной безопасности.

Кроме того, многие ученые считают, что многополярная система международных отношений нестабильна сама по себе, поскольку при отсутствии потенциального или реального лидера многие акторы стремятся занять это место и контролировать международную арену. Ж. Аркруды [17, с. 40] комментирует, что такое состояние более стабильно, чем при наличии одного лидера, который будет вызывать попытки его свергнуть, что приведет к дисбалансу позиций на международной арене.

Помимо всего прочего, большинство ученых-реалистов полагают [20, с.

2], что расширение понятия «безопасность» нецелесообразно, поскольку размывает грань между фундаментальными правами человека и необходимостью защиты от военной угрозы. По их мнению, секьюритизации подлежат только те угрозы, которые имеют военный характер. Таким образом, соблюдение неотъемлемых прав человека обеспечивается не потому, что это угрожает безопасности международного сообщества, а по причине осознания необходимости защиты и осуществления достойных условий жизни человечества.

По мнению большинства исследователей [52, с. 209], включение экологических и экономических проблем в число угроз безопасности отвлекает международное сообщество от более насущных военных проблем. Отсутствие путей их решения предопределено абстрактным характером таких угроз и недостаточным масштабом их распространения. Критики апеллируют к нежеланию западных стран бороться с угрозами, непосредственно их не касающимися.

Критике подвергается также гибкость методов и постулатов современных парадигм безопасности. По мнению критиков [49, с. 180], невозможно эффективно ликвидировать угрозы безопасности, не имея единого четкого плана действий, что значительно затрудняет маневренность системы обеспечения международной безопасности.

Что касается практики, исследователи оценивают эффективность современных концепций безопасности применительно к существующим угрозам. Наибольшие трудности, по мнению П. Уильямса [57, с. 104], представляют террористические организации и международные преступные сети. Возникает противоречие: использование агрессивных военных методов значительно ограничено, в то время как мирные переговоры и убеждение не оказывают нужного эффекта. Дж. Бэйлис [19, с. 506] оправдал включение постулатов реалистических концепций в современные парадигмы необходимостью «разговаривать с преступниками на одном языке».

Так, с точки зрения Г. Хеггхаммера [29, с. 70], наибольшую угрозу для

современных международных отношений представляет потенциальный конфликт между группировкой ИГИЛ и остальными международными акторами. Поскольку данное квазигосударственное образование фактически не признает законы и правила, кроме шариата, а также обладает непредсказуемым поведением, невозможно спрогнозировать возможную модель конфликта и выработать универсальную стратегию, достаточно гибкую и адаптивную для противодействия возможной угрозе со стороны ИГИЛ.

Кроме того, положение современных либеральных концепции обеспечения безопасности об отказе от агрессивных методов воздействия подвергается сомнению. Проведение испытаний вооружения и ведение активных военных действий в разных точках планеты доказывает, что государства не готовы отказаться от привычных им методов демонстрации превосходства и силы. Зачастую данный вопрос является прямой причиной конфликта. По мнению большинства ученых, ряд конфликтов XXI века в принципе не может быть проанализирован с точки зрения современных либеральных концепций, поскольку не только допускает использование вооружения и агрессивных методов ведения конфликта, но и ведется с точки зрения обеспечения национальных интересов. В качестве примера исследователи приводят войну в Ираке, которая служила поводом для укрепления США в регионе, и причиной для которой стала предположительная разработка Ираком оружия массового поражения.

Находит осуждение не только у ученых, но и у международного сообщества феномен «гуманитарной интервенции». По мнению большинства исследователей, идея помощи дружественным государствам в ходе гражданской войны или пограничного используется для извлечения экономической или политической выгоды, а не для обеспечения международной безопасности.

Наиболее часто таким прикрытием пользуются Соединенные Штаты Америки, однако некоторые исследователи используют данный термин применительно к действиям Российской Федерации и некоторых западных государств. В целом, согласно Дж. Тайлеру [53, с. 2], такой феномен возникает в

случае необходимости создания «пояса безопасности» вокруг сильного государства, при этом географический масштаб не имеет значения с учетом процесса глобализации (чем объясняются не только столкновения, происходившие в ходе «Холодной» войны, но и войны в Ираке и Сирии).

Другим объектом споров стала концепция демократического мира. Во многом перекликающаяся с идеями Ф. Фукуямы [25, с. 223], она кажется таким исследователям, как Д. Болдуин [18, с. 14] и Д. Люттербек [36, с. 54], несостоятельной. Аргументом является прежде всего далеко не повсеместное распространение либеральной демократии, что ограничивает круг действия концепции. Кроме того, наличие разногласий даже в этом сообществе демократических государств подтверждает несостоятельность данной концепции. По мнению С. Кальвани [22, с. 107], зачастую представители недемократических держав имеют меньшее количество споров, чем гомогенных демократических структур. В пример автор приводит двусторонние связи КНР и Российской Федерации и Германии и Франции и динамику разрешения споров между этими государствами, отмечая более положительную динамику отношений России и Китая.

Таким образом, нельзя однозначно судить об эффективности современных концепций безопасности. Безусловно, они более соответствуют реалиям международных отношений, существующих на сегодняшний день, и обладают большей адаптивностью в сравнении с традиционными парадигмами. Кроме того, в рамках современных парадигм не было выработано эффективного способа борьбы с агрессивными негосударственными акторами, а их постулаты об отказе от «жесткой» силы идеалистичны.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Прежде всего, традиционные концепции безопасности обладают длинной историей. По мере изменения обстановки на международной арене они претерпевали значительные изменения, подстраиваясь к новым угрозам и условиям благодаря усилиям ученых и руководителей государств. При этом их ключевые постулаты остались практически неизменными: доминирование государств на международной арене, определяющая роль национального интереса, а также приоритетное значение военного фактора.

Наиболее успешным периодом для традиционных концепций стала эпоха «Холодной» войны. Именно в период конфронтации двух блоков стало реальным воплощение всех положений традиционных концепций безопасности. С распадом биполярной системы наступил период кризиса классических парадигм.

Вызовы, брошенные новой эрой развития человечества традиционным концепциям, оказались слишком сложными для преодоления. Международная арена стала чрезмерно комплексной и многосоставной для поддержания контроля силой традиционных концепций, а угрозы, усиленные фактором глобализации, не поддавались их контролю. Распространение международного терроризма и киберпреступности, обострение религиозных и культурных противоречий, череда глобальных и региональных экономических кризисов представляли стали чрезвычайно сложной преградой для традиционных парадигм. Оказавшись неприспособленными к вызовам нового времени, традиционные концепции стали объектом критики исследователей со всего мира, что стимулировало переработку их положений и выработку на их основе более актуальных парадигм обеспечения международной безопасности.

Созданные для противодействия новым угрозам, современные концепции безопасности лучше соответствовали реалиям нового времени. С их помощью впервые гарантировалась защита индивидуальной безопасности и, в перспективе,

всеобщее разоружение. Кроме того, именно создание современных парадигм способствовало реформированию понятия «безопасность», а также систем ее обеспечения. Большая роль в сравнении с предыдущим периодам отводилась международным организациям и другим акторам международных отношений.

Помимо всего прочего, вариативность и гибкость концепций, а также выработка индивидуального подхода для решения каждой проблемы позволяли ликвидировать большой спектр угроз, однако критики отмечали «нереалистичный» характер определенных положений концепции, поскольку в настоящее время они не нашли своего отражения в международных отношениях и были направлены на будущее. К таким постулатам будущего относится разоружение, приоритет личной безопасности над государственной и приоритетная демократизация с целью создания гомогенной и свободной от конфликтов международной арены. Как следует из этих постулатов современные концепции безопасности не предусматривали возможности борьбы с реалистическими угрозами безопасности: международными террористическими и преступными организациями. Эффективное противодействие данной угрозе осуществляется согласно традиционным концепциям безопасности.

Таким образом, учитывая переходное состояние международных отношений, при котором существуют как реалистические угрозы безопасности (терроризм, вооруженные конфликты), так и либеральные (экологические проблемы, необходимость обеспечения индивидуальной безопасности), наиболее эффективным представляется сочетание постулатов традиционных и современных концепций безопасности, а также гибкого, индивидуального и профессионального подхода к угрозам безопасности для достижения стабильности на международной арене.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Богатуров, А. Д. История международных отношений : учебник / А. Д. Богатуров. – Москва : Аспект-пресс, 2010. – 520 с.
2. Гоббс, Т. Левиафан : историческая литература / Т. Гоббс. – Москва : Мысль, 2001. – 480 с.
3. Дериглазова, Л. В. Проблемы обеспечения международной безопасности после «Холодной войны» [Электронный ресурс] / Л. В. Дериглазова // Сайт Библиотеки им. Ленина – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-obespecheniya-mezhdunarodnoy-bezopasnosti-posle-okonchaniya-holodnoy-voyny>
4. Европейская стратегия безопасности [Электронный ресурс] : текст от 12.12.2003 // Сайт Совета Европейского Союза. – Режим доступа: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/librairie/PDF/QC7809568RUC.pdf
5. Закария Ф. Постамериканский мир : монография / Ф. Закария. — Москва : Европа, 2009. — 280 с.
6. Закон о национальной безопасности от 26.07.1947 [Электронный ресурс] : офиц. текст от 26.07.1947 // Библиотека думающего о России. – Режим доступа: http://www.patriotica.ru/books/pyh_usa/p13_1.html
7. Лукман Т. Социальное конструирование реальности : монография / Т. Лукман. – Москва : Медиум, 1995. – 323 с.
8. Макиавелли, Н. Государь. Размышления над первой декадой Тита Ливия : историческая литература / Н. Макиавелли. – Минск : Харвест, 2004. – 704 с.
9. Сергунин, А. А. Международная безопасность: новые подходы и концепты / А. А. Сергунин // Политические исследования. – 2005. – № 6. – С. 126–133.
10. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс] : офиц. текст от 12.05.2009 // Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>

11. Устав Международной организации уголовной полиции (Интерпол) [Электронный ресурс]: офиц. текст от 01.01.1986 // База «Консультант». – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=15819>
12. Устав Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) [Электронный ресурс] : офиц. текст от 07.10.2002 // Официальный сайт ОДКБ. – Режим доступа: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=124
13. Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] : офиц. текст от 26.06.1946 // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/charter/intro.shtml>
14. Устав Организации Североатлантического договора (НАТО) [Электронный ресурс] : офиц. текст от 04.04.1949 // Официальный сайт НАТО. – Режим доступа: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm
15. Al-Rodhan, N. Multilateralism and Transnational Security. A synthesis of win-win solutions : монография / N. Al-Rodhan. – Geneva : Geneva Centre for Security Policy, 2009. – 376 с.
16. Al-Rodhan, N. The Five Dimensions of Global Security. Proposal for a Multi-sum Security Principle : монография / N. Al-Rodhan. – Geneva : Geneva Centre for Security Policy, 2007. – 160 с.
17. Arcudi, G. Forces de police et forces armées, sécurité et défense : où sont les frontières / G. Arcudi // Cahier du GIPRI. – 2004. – №2. – С. 17–64.
18. Baldwin, D. The Concept of Security / D. Baldwin // Review of International studies. – 1999. – № 23. – С. 5–26.
19. Baylis, J. International Security in the Post-Cold War Era: The Globalization of World Politics : монография / J. Baylis. – Oxford : Oxford University Press, 2001. – 700 с.
20. Bryce, H. When will the UN be held to account for failing to protect civilians? [Электронный ресурс] / H. Bryce // The Guardian. – Режим доступа:

<http://www.theguardian.com/global-development/2016/mar/23/un-united-nations-held-to-account-for-failing-to-protect-civilians-south-sudan>

21. Buzan, B. The Evolution of International Security Studies : монография / B. Buzan. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 384 с.

22. Calvani, S. Transnational Organized Crime: a Global Concern : монография / S. Calvani. – Stanford : Hoover Institution Press, 2006. – 142 с.

23. Collins, A. State-Induced Security Dilemma: Maintaining the Tragedy : аналитическая литература / A. Collins // Cooperation and Conflict. – 2004. – №39 (1). – С. 27–44.

24. Csernaton, R. The Common Security and Defense Policy – The Treaty of Lisbon and the EU's Defense Dimension [Электронный ресурс] / R. Csernaton // Isis Europe. – Режим доступа: <https://isiseurope.wordpress.com/2014/05/14/csdp-treaty-of-lisbon/>

25. Fukuyama F. The End of History and the Last Man : монография / F. Fukuyama. – New York : Free Press, 2006. – 464 с.

26. Gaddis, L. The Cold War: A New History : историческая литература / L. Gaddis. – New York : Penguin Press, 2006. – 352 с.

27. Gilpin, R. War and Change In World Politics : монография / R. Gilpin. – Cambridge : Cambridge University Press, 1981. – 272 с.

28. Guhin, M. Dictionary of American Biography: John Foster Dulles, A Statesman and His Time : историческая литература / M. Guhin. – New York : Columbia University Press, 1972. – 1200 с.

29. Hegghammer, T. The Rise of Muslim Foreign Fighters: Islam and the Globalization of Jihad : аналитическая литература / T. Hegghammer // International Security. – 2011. – №35 (3). – С. 53-94.

30. Jervis, R. Perception and Misperception in International Politics : монография / R. Jervis. – Princeton : Princeton University Publishing, 1976. – 578 с.

31. Kaldor, N. Equilibrium Theory and Growth Theory : монография / N. Kaldor. – London : Economics and Human Welfare, 1977. – 281 с.

32. Keohane, R. Neorealism and Its Critics : монография / R. Keohane. – New York : Columbia University Press, 1986. – 378 с.
33. Kissinger, H. Diplomacy : монография / H. Kissinger. – New York : Simon & Schuster, 1995. – 912 с.
34. Koschut, S. Regional order and peaceful change: Security communities as a via media in international relations theory : аналитическая литература / S. Koschut // Cooperation and Conflict December. – 2014. – №49 (4). – С. 519–535.
35. Krebs, R. United They Fall: Why the International Community Should Not Promote Military Integration after Civil War : аналитическая литература / R. Krebs // International Security. – 2015. – №40 (3). – С. 93–138.
36. Lutterbeck, D. The New Security Agenda: Transnational Organised Crime and International Security : аналитическая литература / D. Lutterbeck // Cooperation and Conflict. – 2004. – №39 (1). – С. 45–68.
37. Mackinder, H.J. Britain and the British Seas : историческая литература / H. J. Mackinder. - New York : D. Appleton and company, 1902. – 337 с.
38. Maier Ch. Dissolution: The Crisis of Communism and the End of East Germany : монография / Ch. Maier. – Princeton : Princeton University Press, 1997. – 440 с.
39. Mauer, V. The Routledge Handbook of Security Studies : монография / V. Mauer. – Routledge : Routledge Handbooks, 2011. – 504 с.
40. Michel, L. Deterring Russia: Has NATO Succeeded : аналитическая литература / L. Michel // The International Security Affairs. – 2015. – №28. – С. 22–24.
41. Morgan, P. Security in International Politics: Traditional Approaches. Contemporary Security Studies : монография / P. Morgan. – New York : Oxford University Press. – 2007. – 576 с.
42. Morgenthau, H. J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace : монография / H. Morgenthau. – New York : Knopf, 1955. – 688 с.
43. Nye, J. Power and Interdependence: World Politics in Transition : монография / J. Nye. – Harlow : Longman, 2000. – 273 с.

44. Porter, P. *European Journal of International Security* : аналитическая литература / Porter P. – Oxford : British International Studies Association, 2016. – 22 с.
45. Ray, J. L. *Does Democracy Cause Peace?* : аналитическая литература / J. L. Ray // *Annual Review of Political Science*. – 1998. – №1. – С. 27–46.
46. Rappoport A. *Prisoner's Dilemma: A Study in Conflict and Cooperation*: монография / A. Rappoport. – Michigan : University of Michigan Press, 1965. – 258 с.
47. Schlosser, E. *Command and Control: Nuclear Weapons, the Damascus Accident, and the Illusion of Safety* : историческая литература / E. Schlosser. – New York : Penguin Press, 2013. – 656 с.
48. Sheehan, M. *International Security: and Analytical Survey* : аналитическая литература / M. Sheehan. – London : Lynne Rienner Publishers, 2005. – 201 с.
49. Sjursen, H. *Changes to European Security in a Communicative Perspective* : аналитическая литература / H. Sjursen // *Cooperation and Conflict*. – 2004. – №39 (2). – С. 107–128.
50. Smith, S. *The revision thing* : эссе / S. Smith. – Washington : Economic Studies, 2003. – 60 с.
51. Spykman, N. *America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power* : монография / N. Spykman. – New York : Harcourt, Brace and Company, 1942. – 495 с.
52. Tadjbakhsh, S. *Human Security: Concepts and Implications* : монография / S. Tadjbakhsh. – New York : Routledge Handbooks, 2007. – 272 с.
53. Tayler, J. *The World According to Putin (A Map Redeveloped)* [Электронный ресурс] / J. Tayler // *The Economist*. – Режим доступа: <http://www.economist.com/news/international/21601862-why-should-russian-presidents-innovative-attitude-towards-borders-be-restricted>
54. Tickner J. *Gender in International Relations: Feminist Perspectives on Achieving International Security* : монография / J. Tickner. – New York : Columbia University Press, 1992. – 180 с.

55. Waltz, K. *Realism and International Politics* : монография / К. Waltz. – London : Routledge, 2008. – 228 с.
56. Williams, P. *Violent Non-State Actors* : аналитическая литература / P. Williams. – Zurich: International Relations and Security Network, 2008. – 21 с.
57. Williams, P. *Transnational Criminal Organisations and International Security* : аналитическая литература / P. Williams // *Survival*. – 1994. – №36 (1). – С. 96–113.